

Иван Никитчук

Ханкан
для Александра
Сергеевича
Пушкина

Иван Никитчук

**Капкан для Александра
Сергеевича Пушкина**

«Алисторус»

2018

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Никитчук И. И.

Капкан для Александра Сергеевича Пушкина / И. И. Никитчук —
«Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-81-4

Книга посвящена жизни уже сложившегося Пушкина как гениального поэта и незаурядной личности. В книге раскрывается время жизни поэта с момента возвращения Александра Сергеевича из южной ссылки в село Михайловское, родовое имение, и до момента его трагической гибели. С юных лет, схваченный капканом царской власти за стихотворные шалости и невинные эпиграммы, он до конца дней своих находился в цепких объятиях этого капкана. К этому добавились и житейские неурядицы, связанные с неудачной женитьбой на эгоистичной московской красавице Наталье Гончаровой, которые со временем стали еще одним капканом, впившимся в Пушкина. Горячий и доверчивый, он стал жертвой совокупности многих обстоятельств, клеветы и заговоров, за неприятие которых заплатил своей жизнью. Вокруг событий последнего года жизни Пушкина остается много неясного и загадочного. Автор дает свою версию развития пред-дуэльных событий, раскрывая мотивы поведения главных героев. Книга представляет интерес для широкого круга читателей. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-907028-81-4

© Никитчук И. И., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. 1824 год	10
Глава 2. 1825 год	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Иван Никитчук

Капкан для Александра Сергеевича Пушкина

© Никитчук И. И., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.*

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.*

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.*

*Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.*

А. С. Пушкин

Предисловие

Когда-то Руссо написал замечательные слова:

«Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы нам сказаться, чтобы нам оживить, обновить душу...»

Величественное зрелище природы, еще более величественное зрелище души человеческой, поэзия, счастье, несчастье дают нам сии высокие ощущения прекрасного – и весьма понятно, почему почти всегда соединяется с ними грусть... но грусть, не приводящая в уныние, а животворная, сладкая; какое-то смутное стремление... Это происходит от его скоротечности, от его невыразимости, от его непостижимости... В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою – но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется и что для тебя где-то существует. И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия души: иначе от чего бы в минуту наслаждения не имеет полноты и ясности наслаждения? Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимо пролетающий благовеститель лучшего... она есть восхитительная тоска по отчизне, она действует на душу не настоящим, а темным в одно мгновение соединенным воспоминанием всего прекрасного в прошедшем и тайным ожиданием чего-то в будущем».

Приведенные слова можно считать ключом к пониманию Пушкина.

И в самом деле, явление миру Пушкина – событие уникальное, удивительное, величины галактической. Не было в русском мире до него и после него, оставившего после себя такое бесценное богатство, начиная с самого русского языка, которому он придал и ныне существующую удивительную музыку его звучания. Что касается самого творчества Пушкина, то его глубину и какой-то сакральный смысл, несмотря на многолетнее в него погружение лучших литературных умов (Белинский, Гоголь, Герцен, Л. Толстой, Достоевский и др.), так и остается до конца не познанным, непостижимой загадкой.

Вся сущность Пушкина, его души и натуры отражены в его завораживающей поэзии. В своем творчестве он не принадлежал к какой-либо конкретной философии или учению. Как художник в сфере поэтического мирозерцания он был гражданином вселенной. Историю, как и природу, он рассматривал исключительно как мотивы для своих поэтических вдохновений, как материалы для своих творческих концепций...

Лирические произведения Пушкина в особенности подтверждают эту мысль о его личности. Чувство, лежащее в их основании, всегда тихо и кротко, человечно и гуманно!.. Он ничего не отрицает, ничего не проклинает, на все смотрит с любовью и благословением. Самая грусть его, несмотря на ее глубину, как-то необыкновенно светла и прозрачна; она умиряет муки души и целит раны сердца. Общий колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической – внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоего пола. Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства.

«Пушкин, как художник, – писал Александр Николаевич Пыпин, – был носителем идеи о достоинстве человеческой личности, проникнут был стремлением к правде, глубоким гуманным чувством, убеждением в необходимости просвещения и в свободном действии человеческой мысли; наконец, он проникнут был горячей любовью к своему народу, к его славе и величю. Он стремился служить просвещению, добру и правде. Поэтому общественное значение его поэзии весьма велико: как прелесть стихов, то есть художественная сторона его произведений, впервые приобщала массу общества к наслаждению чистой поэзией и уже тем оказы-

вала великую услугу внутреннему развитию общества, так и его высокие нравственные идеи, идеи чистой человечности, благотворно влияли на воспитание общества».

Пушкин деятельно служил общественному прогрессу. Несмотря на все сложности и противоречия своего времени, итог его творчества в этом смысле, безусловно, положительный и огромен, особенно в смысле соответствия основным задачам культуры, так как его поэзия, его творчество своей формой и содержанием воспитывает в душах людей чувство любви, милосердия, чуткости к красоте и добру.

Человечество только пытается строить на земле величественный храм разумного и любовного общежития, а Пушкин был уже и остается одним из полезнейших участников этой созидательной работы. Он не только видел этот иной мир, но и сознавал, что видит его.

*Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

Пушкин как личность не был понят ни в его эпоху, ни позже, и менее всего понят сегодня, воспринимают его иногда вульгарно, чаще как икону. Но Пушкин – явление Космоса в поэзии, как человек он был вполне земной, которому ничто человеческое не чуждо. Он любил земную жизнь и радовался ее красоте, видел и ее мерзости. От природы был человеком вполне здоровым, с огромным запасом энергии и жизненных сил.

Пушкин был невероятно переменчивым в настроении человеком. Резкие переходы от глубочайшего уныния, депрессии к пламенеющей страсти и окрыленной одухотворенности были свойственны ему как в любви, так и в работе, в дружбе, в общении с людьми.

Второй страстью Пушкина, после поэзии, были женщины. Связи он заводил очень быстро, длились они обычно недолго – вплоть до очередной встречи с хорошенькой дамой. В них он ценил ум и красоту. Причем неоднократно Пушкин был готов жениться уже после второго-третьего свидания.

Очень страстный в любви, эмоционально легковозбудимый, страдающий из-за внешней непривлекательности, Пушкин был страшный ревнивец. Причем болезненное чувство в нем вызывала не только чисто теоретическая возможность физической измены любимой женщины, но и ее возможные мысли о других мужчинах.

Страстно любил играть в карты и много проигрывал. Любил и вино.

В то же время Пушкин был беспечен, прост, простодушен, что, правда, ему не всегда нравилось. Но, вострепнувшись, как орел, обнаруживал ум, к удивлению его друзей. И также, проявляя беспечность, он был как бы податлив, уступчив (особенно по отношению к жене, что весьма усложняло его жизнь), но едва его честь задета, перед всякой опасностью, он становился спокоен и тверд, как перед поединком на смертельной дуэли. И ценил в людях и в себе пуще всего мужество и отвагу.

Преждевременная его гибель была обусловлена не только отдельными чертами его характера, но прежде всего тем, что он был чужд той среде, в которой ему пришлось жить, чужд самому времени своего рождения. Преждевременная его гибель была неизбежна...

Смерть Пушкина вызвала боль у огромного числа людей. Она и сегодня сжимает сердце каждого, кто считает себя русским по духу. И сегодня мы соглашаемся с горестными словами, написанными поэтом В. Ф. Одоевским:

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано.

Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!..»

Январь 1836 года. Отгремели новогодние праздники с их балами и маскарадами. Пушкины вернулись с очередного бала под утро, но Александр Сергеевич проснулся по привычке рано. Он посмотрел на спящую Наталью Николаевну, которая во сне чему-то улыбалась, тихонько поднялся, чтоб ее не разбудить, надел халат и вышел в свой кабинет, плотно прикрыв за собой дверь.

Войдя в кабинет, он сел в свое любимое кресло, посмотрел на ворох ожидающих его бумаг. Среди бумаг было много начатого, но руки в последнее время до них не доходили. Дотрагиваться или читать их не стал. Он откинулся в кресле, закрыл глаза и погрузился в воспоминания...

Прошло почти пять лет, как он женат. У него свой дом, любимая жена, дети... Все то, чего он так желал в последние годы своей бурной молодости.

Был ли он счастлив в эти последние годы? Конечно! И прежде всего своей любовью к первой красавице, к своей Натали – «чистойшей прелести чистейший образец». Своей красотой она уладила сердце и страсти поэта, вдохновила высочайший взлет его гения...

Ему почему-то вспомнились годы южной ссылки в Кишиневе и Одессе... Как это было давно, а кажется, что вчера...

Глава 1. 1824 год

В возрасте 21 года, по высочайшему повелению царя Александра I, его, чиновника 10-го класса Коллегии иностранных дел, за возмутительные стихи отправили в ссылку из Петербурга на юг России, сначала в Кишинев к старому генералу Инзову под надзор, а затем в Одессу под неусыпное наблюдение губернатора Воронцова. С тех пор он, как клещами, захвачен надзором и преследованием власти.

Из Одессы его вернули в родовое Михайловское. Ему двадцать пять лет, но слава уже подняла его на свои крылья. Его творчество знакомо всей России. И не только. О нем пишут газеты и журналы далеко за пределами страны. Его стихи переписываются и расходятся по всей грамотной России. Его язвительных эпиграмм боялись, как огня. Стихи и поэма «Бахчисарайский фонтан» переведены на немецкий, английский, французский, финский и польский языки. Его имя заносится в энциклопедические словари! В печати появляются лестные отзывы о поэмах «Кавказский пленник», «Братья-разбойники» и «Руслан и Людмила», по мотивам которой создается балет. Его тетради заполняются новыми главами романа в стихах «Евгений Онегин», «Цыганы» и трагедии «Борис Годунов»...

Он весь еще под чарами любовной страсти к прекрасным женщинам – ослепительной красоты Амалии Ризнич и графине Елизавете Воронцовой.

Амалия – жена крупного коммерсанта Ивана Ризнич. Она была высокая ростом, стройная и необыкновенно красивая. Александр Сергеевич быстро поддался ее чарам и сумел заслужить благосклонность красавицы. Эта женщина смогла пробудить в душе поэта настоящую бурю эмоций. Последовали свидания, полные признаний в любви, страсти и ревности. Весь жар чувств переливался в стихи.

*Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой...
Тебе смешны мучения мои;
Но я люблю, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.*

Их связь длилась лето и зиму и порвалась только с отъездом Амалии в Италию. Бедняжка Амалия вскоре там заболела и скончалась. Душа поэта отозвалась на смерть любимой женщины элегией.

Под небом голубым страны своей родной

*Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжёлым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковёрной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.*

Эта женщина оставила в сердце поэта неизгладимый след. Вот и сегодня, вспоминая пережитое, она стоит перед его глазами восхитительно красивая, с черной косой и очаровательной улыбкой. Совсем недавно он посвятил ей еще одно стихотворение.

*В последний раз твой образ милый
Держу мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.
Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя всё, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.
Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.*

После отъезда Ризнич он пережил еще один роман. Сердце завоевала жена его непосредственного начальника, графиня Елизавета Воронцова. Дочь польского магната, Елизавета Ксавьеревна, как истая полячка, с врожденным легкомыслием и кокетством, желала нравиться. Она не блистала красотой, но душа и наружность ее были молоды. Нежный взгляд ее глаз, улыбка, казалось, так и призывали к поцелуям. И возвышенная душа поэта откликнулась на этот призыв. Сближению способствовало и то, что граф не утруждал себя хранить супружескую верность... Графиня не оставалась в долгу и тоже могла себя считать до известной степени свободной.

Снова последовали тайные свидания, снова признания в любви, и снова стихи.

*Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —*

*Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжсанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на голову мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудишь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда...*

Столкновения с Воронцовым были неизбежными. Граф решил избавиться от неугодного Пушкина, отправив в Петербург донос на поэта в адрес К. В. Нессельроде, министра иностранных дел, в чьем ведомстве числился Пушкин, составленный в издевательском тоне. «Никоим образом, – писал он, – я не приношу жалоб на Пушкина; справедливость даже требует сказать, что он кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде». Однако «собственный интерес молодого человека, не лишенного дарований, недостатки которого происходят, по моему мнению, скорее от головы, чем от сердца, заставляет меня желать, чтобы он не оставался в Одессе». Поклонники «кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем как он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон), да кроме того, только работой и усидчивым изучением истинно великих классических поэтов он мог бы оправдать те счастливые задатки, в которых ему нельзя отказать». А поэтому удалить его из Одессы – «значит оказать ему истинную услугу». «Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и большие досуга для занятий».

Совершилась подлость, вследствие которой поэт был выслан в село Михайловское Псковской губернии под полицейский надзор. Пушкина освободили от государственной службы, оставив его фактически без средств к существованию.

Влюбленным пришлось разлучиться. Внешние обстоятельства оказались сильнее чувств.

*Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз, обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено – я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.*

9 августа 1824 года Пушкин приехал в Михайловское – родовое поместье Ганнибалов, дарованное прадеду Пушкина – Абраму Михайловичу Ганнибалу (арапу Петра Великого) императрицей Елизаветой Петровной в 1742 году. После его смерти в 1781 г. Михайловское

перешло к Осипу Абрамовичу Ганнибалу, деду поэта. В 1806 году оно перешло к Марии Алексеевне Ганнибал – бабушке Пушкина. С 1816 года Михайловским владела мать поэта – Надежда Осиповна Пушкина. В дарственной грамоте императрицы было сказано:

«...Вятская, Болгорская и иных Государыня и Великая княгиня Нова города, Земли Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Вондийская и всея северныя страны Повелительница и Государыня, земли Карналинских и грузинских Царей и кабардинския земли и торских Князей и иных наследная Государыня я Обладательница, объявляем чрез сие, что МЫ, НАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, по имянному НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Указу заподписываем собственныя НАШЕЯ руки Генваря 12 дня минувшаго 1742 года НАШЕМУ Генералу Мазору и Ревельскому обер Каменданту Абраму Ганибалу с разсуждений блаженныя и вечныя славы достойныя памяти и родителе НАШИМ ГОСУДАРЯМ их ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВАМ НАМ оказанных верных его заслуг всемилостивейше пожаловали Сытноском уезде пригорода Вороноча Михайловскую Губу, которая после кончины блаженной памяти Цесаревны ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ приписана к НАШЕМУ ДВОРЦУ, а со оной поведомости из НАШЕЙ дворцовой канторы исказано попереписи генералитетской пятьсот шестдесят душ со всеми к ней принадлежащими Землями в вечное владение, а понеже упомянутый наш Генерал мазор и обер Камендант Ганибал всеподданнейше НАС просил, дабы МЫ НАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ему на показанную Михайловскую Губу со всеми к ней принадлежащими для вечнаго и потомственного владения всемилостивейше грамоту пожаловать соизволили. Того ради МЫ НАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО из особливой НАШЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ милости сей НАШЕЙ жалованной грамоты за ним Генералом Мазором и обер Камендантом Ганибалом и потомками его оную Михайловскую Губу со всеми к ней принадлежащими землями всемилостивейше утверждаем и оную ему и потомкам его продать, заложить...»

Ранее Пушкин посещал родовое имение дважды: в июне 1817 года после окончания Царскосельского лицея, затем в 1819 году. И вот он снова в милом сердцу воспоминаниями юности Михайловском. Здесь он застал всю семью – отца, мать, сестру Ольгу и младшего брата, Льва Сергеевича. Брат и сестра повисли на шее у Александра. Как же они давно не виделись!

Родители, которые проводили лето в Михайловском, не очень обрадовались появлению опального сына. Только мама, Надежда Осиповна, всплакнула, прижавшись к нему.

– Саша, как я рада тебя видеть, сынок, – прошептала она еле слышно. – Как ты повзрослел...

Искренне обрадовалась его приезду любимая няня, Арина Родионовна. Она не сдержала слез, крепко обняв Пушкина.

– Ах, барин, Александр Сергеевич, – говорила она сквозь слезы, – я уже и не надеялась вас увидеть. Думала, умру и не увижу вас, не поглажу вашу кудрявую головушку, не прижму ее к своей груди... Как я рада! Вот и славно, вот и слава богу!..

Няня ни на шаг не отходила от него, заглядывая в его глаза, пытаясь угадать его желание, чтобы чем-нибудь угостить любимого Сашку.

– Ну, что ты, няня, – притворно отбивался от нее Пушкин, – я теперь здесь надолго. Наглядишься еще на меня. Царь меня не очень жалует... Но и я за тобой соскучился, за твоими сказками да поговорками.

– Чем же ты так прогневил царя-батюшку нашего, Александр Сергеевич?

– Дорогая моя мамочка, Родионовна, да кто их, царей, знает. Не будем их вспоминать худым словом, а хорошим тем более. Дай лучше мне молочка испить. Соскучился я по всему деревенскому... Ох, и заживем мы с тобой здесь, Родионовна, на славу, в трудах праведных!..

Пушкин занял одну комнату возле крыльца, с окном во двор. Против его двери – дверь в комнату няни, так что няня в любое время могла без труда занести своему Сашке молочка

свежего или творожку, до которых он был очень охоч. Здесь у него и кабинет, и спальня, и столовая, и гостиная.

Комната поэта обставлена была скромно: деревянная кровать, одна ножка которой заменена березовым поленом, простой письменный стол с чернильницей, диван и шкаф с книгами. С первых же дней комната наполнилась исписанными листами, всюду валялись обкусанные кусочки перьев...

Своего буйного сына мнительный, бесхарактерный Сергей Львович не очень любил. Буквально через несколько дней между ними начались дикие сцены, особенно после того, как стало известно, что отец согласился быть надзирателем за сыном.

– Мало того, что царь за мной следит тысячами глаз своих слуг, так еще и родной отец дал согласие доносить на меня... Как вы могли, потомственный дворянин, превратиться в филера, – с негодованием выговаривал он Сергею Львовичу. – У вас нет ни чести, ни совести...

– Бунтовщик, безбожник, либералист, революционер, якобинец, вольнодумец!.. – яростно возражал ему отец. – Видит бог, я желаю тебе добра и только поэтому дал согласие, чтобы твое сумасбродство не довело тебя до Сибири... Я не мог отказать губернатору Адеркасу в его просьбе быть ответственным за твою благонадежность, оградить тебя от преступных шагов противу правительства...

– Я не мальчик, и в няньках не нуждаюсь, – яростно возражал ему Пушкин...

Очень скоро ежедневные ссоры осточертели Пушкину. Африканская кровь его деда, «арапа» Ганнибала, взыграла в нем, и он написал псковскому губернатору, В. А. Адеркасу, письмо: *«Государь Император соизволил меня послать в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Но важные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нежной любви его к прочим детям. Решаюсь для его спокойствия и своего собственного просить Его Императорское Величество да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей. Ожидаю сей последней милости от ходатайства Вашего Превосходительства».*

Наконец, через три месяца отцу тоже надоела эта бурная жизнь, и он, отказавшись от политического надзора за сыном, со всей семьей уехал в Петербург, оставив этого «сына-выродка» томиться в деревенской глуши...

Первые месяцы своего пребывания в Михайловском Пушкин продолжал жить мыслью об Одессе. Сердечные раны были еще слишком свежи. Он жаловался няне:

– Все, что напоминает море, печалит меня. Шум воды причиняет мне буквально боль. Прекрасное небо заставило бы меня плакать от бешенства. Но слава богу, что небо наше серое, а луна похожа на репу... Мама моя, Родионовна, ты единственная моя отрада в этом заброшенном уголке. Я оживаю, слушая твои патриархальные беседы и сказки...

– Ну, что вы, Александр Сергеевич, – отвечала Арина Родионовна, – бог с вами. Не убивайтесь так, все наладится. Посмотри, у нас своих-то девок полон двор, да вон соседки наши из Тригорского – барышни-красавицы. Выбирай любую...

Пушкин не сразу смог забыть Воронцову. На берегах Сороти, что плавно несла свои воды вблизи барского дома, его преследовали воспоминания о любви, проникшей в его сердце на солнечном берегу Черного моря. Он не мог не написать ей. И она ответила письмом, наполненным любовью и благодарностью, но попросила уничтожить его ради ее спокойствия.

*Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...*

*Минуту!.. вспыхнули! пылают – легкий дым
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...*

Оторванный от общества, загнанный в глухую деревню, поэт весь отдался творчеству. Он много гулял в парке, полной грудью дышал чистым деревенским воздухом, наполненным запахами цветов, скошенного сена, меда и бог знает еще чего. Иногда уходил на берег Сороти, задумчиво смотрел на ее прозрачные струи. Не отказывал себе в удовольствии искупаться, погружая себя в наполняющую силой прохладу реки.

Днем он почти не бывал дома. А если оставался, то не выходил из комнаты, посвящая время чтению. По ночам он очень часто просыпался, садился за стол и писал. В такое время писалось особенно вдохновенно.

Вечерами он часто засиживался с Ариной Родионовной. Пушкин был очень привязан к своей няне, ухаживал за ней, когда ей нездоровилось. Она рассказывала ему сказки, напевала старинные мелодии и песни. Он тонул в красоте ее настоящего русского народного языка, впитывая в себе его прелесть и музыку. С ее слов он записал несколько десятков народных песен: «Береза белая», «Между гор по камению», «Мимо дворика батюшкиного», «Уже вечер на дворе»... Записывал он и сказки няни: «Некоторый царь задумал жениться», «Некоторый царь ехал на войну», «Поп поехал искать работника», «Царь Кашей бессмертный»... И вообще, он ладил со своими дворовыми, особенно близки были ему кучер Петр и садовник Архип.

На свои прогулки брал с собой тяжелую железную палку, бросал ее кверху и ловил потом ее на лету или бросал вперед. Дойдя до нее, он ее поднимал и снова бросал вперед...

Пушкин был неприхотлив к одежде. Обычный его костюм состоял из красной рубашки, подпоясанной кушаком, широких штанов и белой шляпы...

Жил отшельником, никого не посещал и никого из соседей не принимал. Однако вскоре сделал исключение для обитателей соседнего имения Тригорское, которое располагалась в трех верстах от Михайловского. Вскоре он стал частым, почти ежедневным гостем тригорских соседей.

Его влекло сюда настоящее женское царство, к которому он всегда был неравнодушен. Молодая энергия страстного сердца поэта требовала выхода в новых чувствах и увлечениях. Мужчин представлял только сын хозяйки – дерптский студент Алексей Вульф, который появлялся в Тригорском лишь во время каникул. Пушкина же привлекали барышни, которых здесь было сколько угодно.

Во-первых, владелица поместья, дважды овдовевшая Прасковья Осипова, по первому мужу Вульф, две ее дочери – Анна и Евпраксия Вульф, падчерица ее Александра Ивановна Осипова и ее племянницы – Анна Вульф и Анна Керн.

Веселый характер Пушкина, его заразительный смех, остроты и каламбуры стали повседневной частью жизни соседей. Им льстило близкое знакомство со знаменитым поэтом. Вскоре с живописного холма, на котором расположено Тригорское, ежедневно глаза его обитателей жадно смотрели на дорогу в Михайловское, а сердца бились трепетно, когда по этой дороге вдоль извивистых берегов Сороти показывался их михайловский сосед с толстой палкой в руке и в шляпе с большими полями. Трудно ли представить атмосферу веселья деревянного бар-

ского дома хозяйки Тригорского, наполненного всей этой молодежью? Поднимался невероятный шум, смех, шутки, зарождались интриги, кипели страсти молодости...

Пушкин перенесся в привычную помещичью жизнь, в дворянский сельский быт, которого так не хватало ему в грязном Кишиневе и пыльной Одессе. Здесь, в Тригорском, он чувствовал себя центром притяжения. Вся жизнь вращалась вокруг него. Он наслаждался и потешался ею. Тригорские девицы кокетничали с ним и даже серьезно влюблялись. Да и он сам со своим любвеобильным сердцем влюблялся в каждую из них, включая и хозяйку имения Прасковью Александровну. Хотя она была старше Пушкина лет на 13–15, но выглядела довольно молодо и привлекательно. Пушкин сумел буквально околдовать ее. Разве могла она устоять против его очарования и отказать в близости? Для молодежи это не стало секретом, и они ревновали Пушкина к ней.

Из молодежи первой выделил Пушкин Евпраксию Вульф. Веселая и красивая, она в жизни ничего не искала, кроме удовольствий. К комплиментам Пушкина и его ухаживанию относилась с равнодушием. Казалось, она ждала чего-то большего от судьбы. Многие, наблюдая ее, называли это кокетством. Вместе с тем она всегда была в центре общества, собиравшегося в Тригорском, веселила его музыкой. Кроме того, она мастерски варила жженку, часто выступала заводилой всяких удовольствий... Соседи начали даже поговаривать о скорой женитьбе Пушкина на Зизи (так все домашние называли Евпраксию). Но Пушкин еще и не помышлял о браке. Его внимание к младшей из барышень Вульф было совершенно невинным, безобидной шалостью... Все это было всего лишь игрой и закончилось ничем, кроме дружеских отношений на долгие годы.

*Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал
Ты, от кого я пьян бывал...*

Анне Николаевне, старшей дочери Осиповой, шел двадцать пятый год, когда она впервые встретилась с Пушкиным. По тому времени она была уже почти старая дева. Назвать красивой ее нельзя было: слезлива, сентиментальна, но обладала недюжинным умом. В душе ее хранился неистощимый запас нежности, преданности и желания любить. Само собой разумеется, что она со временем серьезно увлеклась Пушкиным. Если принять во внимание характер Пушкина, способного легко вскружить и более спокойную голову, то можно лишь удивляться, что это случилось не сразу. Состоявшееся объяснение не загло в душе поэта ответного чувства, и проявление влюбленности Аннет часто его тяготило. Результат этого объяснения отразился в не совсем скромном стихотворении:

*Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезам только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
Она на щепочку насытит,
Но и понохат не позволит.*

Вообще говоря, Пушкин был не особенно высокого мнения о псковских барышнях и дамах:

*Но ты, губерния Псковская, —
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна пустая,
Несносней барышень твоих?
Меж ними нет, замечу кстати,
Ни тонкой вежливости знати,
Ни милой ветрености шлюх,
Но, уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Пороки зуб, нечистоту,
И неопрятность, и жеманство —
Но как простить им модный бред
И неуклюжий этикет.*

Тем не менее, в конце концов, он все простил и со всем примирился. Впрочем, в действительности владелицы Три-горского были очень милы. Вряд ли бы он стал проводить с ними много времени, несмотря на всю скуку заточения, если бы это было не так.

Настоящей страстью влюбленности Пушкин загорелся к падчерице Прасковьи Александровны — Александре Осиповой, или Алине, как все ее называли в семье. Это была обаятельная, но строгая девушка.

— Алина — это женщина! — говорил он с восторгом. — Не говори Алина, а говори малина...

Но строгая девушка, видя, что Пушкин готов увязаться за всякой юбкой, умело держала его в некотором отдалении. Да и слухи о его связи с дворовой девкой Ольгой донеслись до нее... Он так и не осмелился признаться ей в любви, и даже до конца жизни не сумел отдать посвященное ей стихотворение:

*Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!*

Но не только соседки занимали Пушкина. Он ведет интенсивную переписку с друзьями, младшим братом Львом и сестрой, жадно поглощая новости двух столиц, по-прежнему много работает, появляются новые стихи, продолжает роман в стихах «Евгений Онегин». Начал работу над балладой «Жених». Внимательно знакомится с трудом И. И. Голикова «Деяния Петра Великого». В Москве и Петербурге издаются «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», стихи, что поддерживает его, лишенного жалованья, материально. Творчество порой полностью захватывает, отвлекая от грустных мыслей, скуки и хандры, замысла тайно бежать за границу.

В трудах и развлечениях минула осень, наступила зима с ее вьюгами, заносами и морозами. В зимние дни Пушкин чаще оставался дома, много читал, с удовольствием беседовал с няней, которая продолжала радовать его волшебными сказками. По ночам, прислушиваясь к разбушевавшейся за окном природе, из-под пера рождались стихи:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?..*

Легкая метелица метет, порошит по широкому двору, насыпая у крыльца снежный гребень пушистой волны. Ничто не нарушает тишину в комнате. От печи тянет теплом. Ее мерцающий огонь освещает всю комнату. Тикают со спокойной уверенностью часы. Серый кот на лежанке, повернувшись усами к огню, жмурится и мурлычет от тепла.

Со своим вязанием, склонившись, сидит Родионовна. Про себя она поет жалобную свадебную песню. За окном плачет метелица, бросая временами в него горсти снега, поддерживая невеселую песню няни. Пушкин сидит в кресле рядом с печкой, курит трубку, пуская кольцами дым, и думает он о чем-то своем, далеком. Он сейчас мыслями далеко, там, на море...

Почему-то вспомнилось ему крымское путешествие с семьей Раевских, как стоял он на скале, и гигантские волны с грохотом сражались с каменным берегом, желая отодвинуть его и дать простор вольному морю... Потом вдруг горы... Пятигорск, прогулки с юной Раевской, купание в горячих серных водах, кавказское солнце, вино...

– Черт возьми! – с порывом досады вскочил Пушкин и зашагал по комнате. – Вот бы сейчас снова туда, в Крым!.. Но не пустят, нет...

– Успеешь, родимый, не торопись, – утешает его няня, подкидывая дрова в печку. – Будет золотое времечко, ногу вденешь в стремячко, и поминай как звали.

Родионовна взяла кочергу, помешала в печке, села и задремала.

Пушкин зажег свечу, сел к столу, взял перо и положил его на чистый лист. В голове зародился вихрь мыслей, которые просились излиться на бумагу. Он, наполненный впечатлениями своей короткой, но бурной жизни, уже много переживший, передумавший, перечитавший, перелюбивший, взялся за работу напористо, едва успевая записывать бушующие мысли. Иногда он останавливал перо, задумывался, и рука начинала чертить на листе женские головки...

Далеко за полночь... Пора спасть...

Глава 2. 1825 год

Пушкин, проснувшись, любил подолгу оставаться в кровати, предаваясь любимому творчеству. Вот и сегодня, хотя на улице еще было темно, но Пушкин уже проснулся. Только потянулась рука к колокольчику, чтобы попросить своего лакея Якима подать чай, как ему послышался вдруг отдаленный звон колокольчика. Сердце почему-то вдруг тревожно забилося. «Фельдгегерь? – подумал он. – Может быть, до царя дошло мое прошение, и царь решил удовлетворить просьбу опального поэта?..»

Он быстро собрал бумаги в потертый портфель.

– Няня! – громко позвал он Арину Родионовну.

В ту же минуту няня показалась на пороге комнаты.

– Няня, возьми портфель и спрячь его подальше... Побыстрее! – попросил он.

Арина Родионовна, захватив портфель, скрылась в глубине дома.

Пушкин подбежал к окну. Сквозь заплетенные морозными узорами стекла ничего не видать. Дыханием и ногтями он проделал пятнышко чистого стекла и со страхом приник к нему глазом. За окном была знакомая картина: снег, далекий лес и едва заметные берега Сороти...

Звон колокольчика нарастал вместе с тревогой в груди. Поднимая снежный вихрь, во двор влетела тройка. Кто там в ней? Кажись, слава богу, не фельдгегерь. На сердце стало легче. Но кто это за человек, укутанный весь в тяжелую медвежью шубу? Он пригляделся и ахнул, полураздетым, в одной рубашке, выбежал на крыльцо. Кони, еще разгоряченные недавним бегом, пронеслись мимо крыльца.

Из покрытых инеем и снегом саней к нему поднимался... Ваня Пущин – лицейский закадычный друг, Жанно, как звали его в те годы все лицеисты.

Друзья тут же, на крыльце бросились обнимать друг друга. – Да ты совсем голый, Француз (так Пушкина прозвали лицеисты за его прекрасный французский), – говорил радостным голосом Пущин. – Давай в дом, скорее!

Пушкин от радости встречи заразительно смеялся своей белозубой улыбкой:

– Не беспокойся, не замерзну... Жанно, друг мой, как я рад тебя видеть! Если бы ты только знал, как я тебе благодарен. Все трусят навещать меня...

– Ты прав! Даже дядя твой, Василий Львович, отговаривал меня от этой поездки.

– Дядя мой всегда был осторожным. Так и проживет жизнь в страхе и послушании...

Они вошли в дом и здесь, уже в передней, еще раз крепко обнялись. Слуга Пущина, Алексей, тоже бросился обнимать Пушкина. Он любил поэта и знал много его стихов наизусть. Из девичьей показалось несколько головок, но, увидев барина полуодетым, рассмеялись и спрятались.

В дверях передней появилась Арина Родионовна, старушка с приятным, добродушным лицом. Пущин тут же бросился ее обнимать, сразу догадавшись, что это и есть та самая няня, о которой он так много слышал от Пушкина.

Посмотрев на Пушкина с укоризной, она с теплотой и лаской проговорила:

– Что же это ты, бесстыдник, в таком виде гостей встречаешь? Одень что-нибудь, как бы не заболел...

Няня никогда не переставала смотреть на Пушкина, как на того курчавого мальчугана, которого она с пеленок носила на руках, такого увальня неподвижного. Но потом произошла удивительная метаморфоза, в нем проснулась какая-то внутренняя энергия, которая не давала ему усидеть на одном месте. «Как будто его кто подменил, – говорила няня. – Настоящий непоседа, шалунишка...»

С Пущина стащили его шубу, и Пушкин со смехом увел его в свой кабинет. Как же давно они не виделись! Глядя друг на друга влюбленными глазами, они торопились задать как можно больше вопросов...

В дверях появилась няня:

– Александр Сергеевич, приглашай гостя кофию испить. Я пирожков горячих уже наготовила. Милости просим, гостек дорогой...

– Мамочка, уже идем, – отозвался Пушкин.

В столовой было еще холодно, но уже вовсю урчала растопленная печка, выдыхая из себя приятное тепло. Пахли кофе и румяные пирожки, горкой сгрудившиеся на большом блюде.

Друзья уселись за столом друг против друга, угощаясь кофе и пирожками, жадно обмениваясь новостями...

Пушкин и Пушин были совершенно разными. Если Пущина отличало спокойствие и солидность, то Пушкин – это огонь и буря, постоянно проявляющиеся в общении. Наружности их тоже были не похожи. Пушин был коренаст, не очень высок, глаза его излучали добро... вообще, он имел солидный, степенный вид. Пушкин тоже был коренаст и не велик ростом, но его глаза были полны огня, а смуглое, горбоносое лицо озарялось белозубой улыбкой, а то и звонким хохотом. Очень часто люди, глядя на него, тоже заражались его смехом, не понимая причины...

– Вижу, тебя заинтересовали мои ногти, – вдруг рассмеялся Пушкин.

– И в самом деле... – улыбнулся добродушно Пушин. – Мне было бы лень.

– А разве тебе не кажется, что

*Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей?*

– Честно признаюсь тебе, брат, нет времени у меня для подобных забав... – ответил Пушин, пуская ароматный дым из трубки. – Меня больше интересует, за что тебя здесь законопатили? В столицах столько об этом разговоров... Даже слух пустили, что ты застрелился...

– Как видишь, болтают, – блеснул своей улыбкой Пушкин. – Не дождутся! А официальная причина – мои письма к Вяземскому об атеизме. Но это лишь предлог. На самом деле царь меня ненавидит за эпиграммы, за близость кое с какими опальными офицерами, как, например, с Владимиром Раевским, которого мучат в Тираспольской тюрьме, пытаюсь выбить у него признание о тайных обществах... Я слышу об этих обществах постоянно, но никто толком ничего сказать не может.

Несколько поколебавшись, Пушин сказал, смутившись:

– Не удивляйся... Я состою в таком обществе ради, надеюсь, служения отечеству, но...

– Можешь не продолжать, – отозвался Пушкин. – Я все понимаю... Вы совершенно правы, отказывая мне в доверии... Я не заслуживаю вашего доверия из-за своих чудачеств...

Пушину было неловко...

– А давай посмотрим твой дом, – меняя тему разговора, предложил Пушин. – Люблю вдохнуть воздух старого помещичьего гнезда.

– Пойдем, посмотрим, – согласился Пушкин. – Хотя, честно говоря, хвастаться нечем, все в запустении, валится...

И действительно, в доме чувствовался какой-то дух мертвечины. Они зашли в комнату няни, где работало несколько дворовых девушек. Пушин сразу заметил хорошенькую девушку с голубыми глазами – настоящая русская красавица, которая вся зарделась и еще ниже наклонила свою русую головку. Пушин мельком взглянул на Пушкина и заметил на его лице слегка смущенную улыбку. Ознакомившись с работами девушек, побалагурив, похвалив их прилежание, друзья вернулись в согретую гостиную.

– Француз, где это ты нашел такую прелесть, что вспыхнула маковым цветом? – спросил Пущин.

– Ты заметил? – смущенно улыбаясь, ответил Пушкин.

– Ну, как не заметить такую красавицу!!!

– Ах, брат, это моя настоящая сельская муза, Оленька. Люблю я ее, и она меня любит. В другое время женился бы на ней и зажил барином... Но чувствую, не созрел еще для семьи... Душа просит чего-то другого, сам не знаю чего... Постой, я слышал, что и ты нашел красавицу...

– А ты как об этом узнал, – улыбнулся Пущин... – Я не налюбуюсь на твою нянюшку... Какая она у тебя славная!..

– Не просто славная, а золотая, – отозвался Пушкин. – Но захотят – и продадут ее, как какую-нибудь вещь или корову... Это наш позор!..

И они стали говорить о том, что было на уме у всякого честного русского человека, – крепостном праве, о том, что все задавлено в стране царем и Аракчеевым. Потом перешли на воспоминания о лицее.

– Да... – с грустью проговорил Пушкин. – Как говорится: иных уж нет, а те – далече. Мне искренне жаль нашего товарища, бедного Корсакова, умер на чужбине. Не завидую его смерти: мне ближе родительские гробы. А что слышно о Кюхле – нелеп и кюхельбекерн? Давно не было от него весточки...

– Вильгельм, как всегда все забывает, путает... Но товарищ он замечательный, золотое сердце, – отвечал с раздумьем Пущин. – Ты ведь знаешь, наверное, что они с Одоевским решили издавать альманах «Мнемозина», но сборник идет с рук плохо... Мне недавно встретился Корнилов.

Пушкин расхохотался.

– Я до сих пор помню, как он с императрицей разговаривал!.. Марья Федоровна неожиданно подошла к нему за обедом, взяла его за плечо и на своем коверканном русском языке сказала: «Ну, что, карош суп?» А Корнилов баском ответил: «Да, мсье!...»

Оба приятеля рассмеялись.

– Золотое было время!.. – ударился в воспоминания Пушкин. – А помнишь, сколько было шума, когда я в темном коридоре, обманувшись, стал тискать фрейлину Волконскую, эту бабушку? Крепко тогда всем нам досталось... Потом, как-то несколько лет спустя, директор лицея Энгельгардт признался мне, что Александр Павлович, пожурив его, рассмеялся и сказал: «Старуха, между нами говоря, вероятно, восхищена ошибкой молодого человека...»

Время летело незаметно. Снова появилась няня.

– Время обедать, господа... – проговорила она своим ласковым голосом. – Александр Сергеевич, совсем своими разговорами гостя уморил...

– А не рано ли, матушка? – удивился Пущин.

– Мы в деревне рано обедаем, – пояснила Арина Родионовна гостю.

– Я с удовольствием подчиняюсь вашему обычаю, – улыбаясь, ответил Пущин.

Обнявшись, друзья перешли в столовую. Они уселись за стол, на котором уже стояли всякие деревенские закуски и наливки.

– Как ты смотришь, Жанно, если мы начнем с рюмки водки да закусим маринованными грибочками? – весело спросил Пушкин.

– С преогромным удовольствием. Но закусывать я буду студнем с хреном, – в тон ему ответил Пущин.

Выпив и закусив, друзья принялись за горячие щи.

Наконец, Яким подал румяного поросенка с гречневой кашей, до которой Александр Сергеевич был очень охоч. Пущин тут же мигнул своему слуге:

– А ну, братец, неси нашу!..

Вскоре Алексей вернулся с запотевшей бутылкой Клико. Пушкин был в восхищении: давно его таким не баловали. Пробка полетела в потолок, и вино заискрилось в бокалах.

– За что поднимем бокалы, Жанно?.. – сверкая глазами, спросил Пушкин. – Предлагаю выпить за лицей и за всех наших друзей, куда бы их ни забросила жизнь.

– А может, лучше за нее!.. – лукаво улыбаясь, подмигнул Пущин.

– Так их две – моя и твоя! За какую пить будем?..

– Обе красавицы, так и пить давай за обеих!

– Почему бы нам не угостить и няню? – сказал Пущин, обратив внимание на сидящую поодаль Арину Родионовну.

– Вы уж сами кушайте... Покорнейше благодарю...

– Непременно надо выпить, дорогая нянюшка! Тебе положена не только рюмка, но и медаль, за то, что для России выпестовала такого поэта! – весело сказал Пущин.

Няня не прочь была опрокинуть рюмочку, но приличия требовали отказа.

– Мамоchка, ну что ты привередничаешь! – смеясь, сказал Пушкин. – Вспомни, как мы недавно с тобой кружками чокались. А здесь всего лишь рюмка!

– Бог знает, что гость подумает, – смущаясь, проговорила няня, поднимая рюмку, и, пожелав здоровья и благополучия, с поклоном выпила ее до дна.

Выпили и друзья.

Вдруг Пушкин вскочил, повалил бокалы, рассмеялся и крикнул:

– Мамоchка! У меня сегодня настоящий праздник! Праздник для всех! Прикажи всем выдать наливки!..

Вскоре весь дом веселился...

Метель на дворе, кажется, стала утихать. Сгущались сумерки...

Поднимаясь из-за стола, Пущин обнял друга и с загадочностью в голосе сказал:

– У меня для тебя уйма подарков. Где будем рассматривать? Пойдем в гостиную... Алексей, тащи мой чемодан.

Пока Алексей бегал за чемоданом, Арина Родионовна успела приготовить кофе.

Пущин раскрыл свой чемодан и вручил Пушкину письма от друзей – Рылеева, Бестужева... несколько книг...

– А это особый подарок, – сказал он, вынимая пакет, завернутый в бумагу.

То была рукопись «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Поэму печатать не разрешили, но она в списках разлетелась по всей России, а ее меткие выражения стали чуть ли не пословицами.

Пушкин смотрел на подарок замороженными глазами:

– Жанно, я готов расцеловать тебя! Ничего лучшего мне и не надобно!..

Он то рассматривал исписанные листы, то их гладил...

– Ты только послушай, Жанно, – с хохотом воскликнул Пушкин и прочитал: «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!..» – Что за прелесть, что за чудо! Давай немедленно засядем за чтение!.. Мама, – крикнул он, иди сюда, будешь слушать!..

– Что же ты так озоруешь? Слышу все! – с притворной строгостью отозвалась Арина Родионовна. – Сейчас приду, только вязанье захвачу.

– Ждем. А тем временем я посмотрю письма. Мне страх как интересно, что написал Рылеев.

Пушкин вскрыл конверт, начал читать и не удержался, чтобы не рассмеяться:

– Ах, как он меня ругает, и все за мое чванство. Не угодно ли послушать:

«Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлетним дворянством, но несправедливо. Справедливость должна быть основанием и действий, и самых желаний наших. Примушества гражданских не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни к чему и не служат ни в зале невежды, ни в зале знатного подлеца, не умеющего ценить твоего таланта...

Чванство дворянством непростительно, особенно тебе. На тебя устремлены глаза России. Тебя любят, тебе верят, тебе подражают... Будь поэт и гражданин...

Удивительно: им мало тех струн, которые у меня на лире есть, им подавай и того, чего нет... А, вот и няня!.. Садись, мама, читать будем...

Все расселись по своим местам: няня с чулком на диване, Пущин разместился в кресле, а Пушкин остался сидеть за столом и раскрыл рукопись.

– *«Читай не так, как пономарь, – промолвил Пущин, – а с чувством, с толком, с расстановкой...»* – процитировал он Грибоедова.

Пушкин начал читать, как всегда мастерски, когда был в ударе...

Не успел он и страницу перевернуть, как послышался за окном визг полозьев саней.

– Мама, – обратился он к няне, – подойди к окну, посмотри, кого там леший принес.

Арина Родионовна посмотрела в окно и недовольным голосом сообщила:

– Кажись, отца Иону принесло!..

Пушкин бросил рукопись на стол, быстро спрятал письма и раскрыл книги житий святых православной церкви.

– Что случилось? – с удивлением спросил Пущин.

Пушкин и ответить не успел, как в двери появился, улыбаясь и кланяясь, монах с красным, наверное, от мороза, носом. Монах перекрестился на висящую в дальнем углу икону и снова начал кланяться.

– Представляю тебе, – обратился поэт к Пущину, – настоятеля Святогорского монастыря отца Иону. А это, батюшка, мой приятель, Иван Иванович Пущин.

Монах продолжал кланяться и извиняться, что, может быть, помешал своим приходом.

– Мне люди сказали, – начал монах извиняющимся голосом, – что в Михайловское приехал господин Пущин. Так я, грешная душа, подумал, что это тот Пущин, что в Кишиневе бригадой командует... Мы давно дружны с ним... А выходит, ошибся я. Простите великодушно...

Пушкин относился к отцу двояко: с одной стороны, с монахом можно было и поговорить, и выпить он был не дурак, а с другой – это был один из соглядатаев, один из тех царских клещей, которые безжалостно вцепились в него.

Пущин никак не мог понять некоторого замешательства хозяина.

Арина Родионовна уже хлопотала насчет чая. В гостиную, помимо самовара, было подано все то, к чему отец Иона был охоч, – варенье, печенье, сухарики и, конечно, ром. Няня разлила чай.

– Садись, отец, – сказал Пушкин, приглашая монаха за стол.

– Благодарствую... Замерз, едучи к вам, погода скверная... Морозец крепчает, – проговорил монах, ощупывая глазами все, что лежало на столе, с аппетитом прихлебывая с блюдечка чай наполовину с ромом. – Надолго ли в наши края? – обратился он к Пущину.

От чая и рома у монаха глазки стали маслянистее. Пушкин снова плеснул ему в чашку рома. Отец Иона еще больше размяк.

– Арина Родионовна, ох, и мастерица ты... Люблю твоё варенье... Еще одной чашечкой согрешу с вашего позволения... А что это, Александр Сергеевич, на столе, никак ваше новое сочинение? – заметил монах, обтирая вспотевший лоб.

– Хотелось бы, чтоб мое было, да не мое. Это Грибоедов написал комедию «Горе от ума», – ответил Пушкин с явной неохотой.

– Как же, слышал, – оживился монах. – К нашему благочинному недавно сын из Петербурга приезжал, так сказывал. Весьма-с любопытно...

– Отец Иона, вам могу предложить только церковные книги, – с усмешкой посмотрел на монаха Пушкин, – а грибоедовская комедия для вас будет скоромной...

– Ничего, ничего, бог простит, а по должности надобно познакомиться, дабы в случае мог предостеречь овец своих духовных...

– Тогда, если не будете возражать, мы продолжим чтение... – уже совсем веселым голосом сказал Пушкин. – Хотите?

– Сделайте милость!.. Буду вам премного благодарен... Мать Аринушка, налей мне, касатка, еще чашечку чая, а я тебя молитвой отблагодарю.

– Да что вы, батюшка, – более приветливым голосом откликнулась няня, – давайте вашу чашку.

Пушкин продолжил чтение, которое все более захватывало его. Жестикулируя руками, он листал за листом лист.

– «...Когда постранишь, воротись назад, и дым отечества нам сладок и приятен...» – прочитал он, рассмеявшись. – Вот именно!.. А, Пушин?..

Пушин улыбался Пушкину, его чтению и тому, что слышал.

– Ха-ха-ха... – раскатывался хозяин. – «Как станешь представлять к крестнику или к местечку, ну как не порадовать родному человечку?!»

Отец Иона слушал с большим вниманием, стараясь не пропустить ни одного слова.

Арина Родионовна с благодушным выражением лица продолжала вязать свой чулок. Она не совсем понимала смысла всех этих побасенок, но ее Сашка доволен, ну и слава богу... Няня была сама народная мудрость, без всякого лукавства принимала жизнь во всех ее проявлениях. Может быть, именно поэтому Пушкину всегда было около нее так спокойно...

– «...А о правительстве иной раз так толкуют, что если б кто подслушал их – беда!..» – весело читал Пушкин и покосился на отца Иону: тот плавал в блаженстве.

– Ты посмотри, Александр Сергеевич, какое дарование дал Господь человеку, – восхищенно произнес монах. – Конечно, божественного здесь мало, но очень остро!.. Нянюшка, дай-ка еще черепушечку за здоровье сочинителя Грибоедова.

– Нет! Жанно, мой «Онегин» не идет ни в какое сравнение! – возбужденно крикнул Пушкин. – Только высочайший талант может так писать: ни единого лишнего слова!

И он снова принялся за чтение:

*Я князь Григорию и вам
Фельдфебеля в Вольтеры дам:
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успокоит...*

Пушкин, всеми силами сдерживая смех радости, уже заканчивал чтение:

*Ах, Боже мой, что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна?!*

– Еще раз скажу, что мой «Онегин» ни к черту!.. – воскликнул повторно Пушкин. – Вы уж извините, батюшка, за черта... но не могу сдержаться: ведь режет меня прямо ножом Грибоедов... Вот подарок так подарок! Спасибо, Жан-но! Истинное удовольствие. А как тебе, отец Иона? Не очень скромно?

– Что вы, Александр Сергеевич, ничуть, даже в семинарии можно читать... – вытирая потное лицо, отвечал монах.

– Ты слышал, Пушин? – рассмеялся Пушкин.

– Как не слышать? Слышу...

Отец Иона тяжело поднялся из-за стола и стал прощаться:

– Как не хорошо у вас, а мне пора бы и к дому податься... Благодарствую за угощение: и за духовное, и за телесное... Рад был познакомиться с вами, Иван Иванович... Редко к нам такие гости заявляются... Прощайте, даст бог, может, еще когда-нибудь свидимся... И тебе,

нянюшка, особое спасибо за угощение... Александр Сергеевич, а с тобой я хочу на минутку отдельно обмолвиться парой слов, – поманил монах поэта в переднюю.

Пушкин вышел следом за монахом.

– Ты не очень серчай на меня, Александр Сергеевич... Знаю, что я для тебя гость не очень желанный, да что делать... Сам знаешь, не по своей воле... Ты не опасайся меня, я тебе никакого вреда не принесу. Понял? Вот и весь мой сказ... Но ты все же остерегайся: все в их силе и власти... Спасибо тебе и прощай, родимый...

Яким помог монаху одеться и кликнул кучера.

– Ну, вот теперь совсем прощай, Сергеевич... Давай, душа моя, расцелуемся по-хорошему, да не забывай меня, приезжай. А ежели какие-нибудь стишки у тебя найдутся, ты уж захвати...

– Обязательно захвачу, – хохотал Пушкин.

Расцеловавшись, поп вышел, сел в сани и покатил к себе в монастырь.

Пушкин вернулся в дом, подумав: «Повезло мне с попом: душа у него есть, и душа добрая... А мог на его месте и подлец какой-нибудь оказаться».

– Ты уж извини, брат, что я стал причиной этого беспокойства... – сказал Пушин, которому теперь стало все понятным.

– Ах, Жанно, стоит ли об этом... За мной все равно присматривают... С монахом мы ладим... Давай не будем говорить об этой ерунде...

Пушин начал торопиться, было поздно...

– На дорожку неплохо было бы чего-нибудь закусить, – сказал он. – У меня есть еще одна бутылка Клико.

– Так что же ты ее прячешь, тащи на стол... Мамочка, – позвал он няню, – брось нам закуски.

Друзья сели за стол, хлопнула пробка, заискрилось вино... Все кругом уснуло, а они все говорили и говорили... Прощание затянулось...

– Если бы ты знал, Жанно, – говорил горячо Пушкин, – как мне здесь все осточертело... Не знаю, сколько смогу выдержать такую жизнь... Убегу... Я еще в Одессе думал об этом, Лиза Воронцова помогала моему побегу за границу, но ничего не вышло... А теперь я хочу сыграть на моем аневризме...

– Каком аневризме? – удивился Пушин. – И как давно ты им болеешь?

Пушкин рассмеялся:

– Да нет у меня никакого аневризма. Это я придумал для царя, чтобы он отпустил меня за границу лечиться. Ты же видишь, я здесь погибаю...

– Нет, брат, вряд ли ты их надуешь. К тому же царь на тебя по-прежнему очень сердит. Все твои насмешки ему известны. Я и так удивляюсь его терпению. Был бы Павел, давно бы тебе сидеть в остроге или Сибирь коптить. Надеюсь, тебе известна история лейтенанта Акимова?

– Нет, не помню, расскажи...

– Как и ты, Акимов сочинял эпиграммы, но только на Павла, и наклеил ее на стене Исакия... Его прямо на месте, как говорится, преступления и схватили... Постой, сейчас вспомню эпиграмму:

*Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный, —
Основа его мраморна,
А верх его кирпичный...*

– Ты же помнишь, – продолжал Пушин, – строительство Исакия началось при Екатерине, и строили его из мрамора, а закончили при Павле кирпичной кладкой. Так вот, лейтенанту

царь повелел отрезать язык и сослать в Сибирь. А твоя дерзость гораздо острее... *«Владыка слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда...»* За такое можно и на эшафот попасть...

– Ссоримся мы с царем... Но было ведь и другое время... Помнишь, он моей «Деревней» восхищался и выражал благоговение, плешивый черт...

– Подумай, стоит ли по пустякам рисковать своей головой... – с грустью в голосе проговорил Пушин. – Но мне, брат, пора...

– Куда ты так торопишься, Жанно?.. Я отдыхаю с тобой душой, друг мой... Вот ты уедешь... и я снова один... один... – у Пушкина на глазах показались слезы.

– Что делать? Я провел у тебя, поверь мне, самые радостные минуты моей жизни... Но надо ехать... Давай выпьем по последнему бокалу, и в путь...

Часы пробили три... Во дворе уже давно позванивала бубенчиками прозябая тройка. Ямщик тоже озяб, пытаясь согреться, он ходил вокруг саней, размахивая руками, притопывая ногами, нетерпеливо посматривая на освещенное окно.

Друзья поднялись из-за стола.

– Прощай и будь здоров, Француз... И попусту не безумствуй...

Пушкин помог Пушину надеть его медвежью шубу. Они обнялись... Оба от волнения не могли произнести ни слова, вышли на темное крыльцо. У Пушкина в руках горела свечка. Пушин вскочил в сани... Поэт что-то ему кричал на прощанье, но тот уже не слышал... Зазвенели колокольчик с бубенчиками, и сани исчезли в снежном тумане...

– Прощай, друг, Жанно... – смахивая слезу, прошептал Пушкин.

Пушкин, вернувшись в свою комнату, сел за стол, опустив голову на руки.

– Предки мои поставили свои подписи под избранием царем Романова, а что я, кто я и где я... – с горечью пронеслась в его голове неожиданная мысль...

Горела свеча. В ушах все еще звучал голос Пушина. Душа наполнялась грустью и печалью... Пушкин придвинул к себе чистый лист бумаги, обмакнул в чернила перо и стал быстро писать:

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил...*

Наступила Масленица. Стало чаще пригревать солнышко, которому радовались даже куры, индейки, гуси, бродившие по двору... Ольга, выглянув в окно, увидела кучера Петра. Он держал в поводу уже оседланную лошадь, которая, как и кучер, шурилась от солнца. Лошадь была неказистой, как и рыжее седло на ней, не раз уже чиненное. Но молодого барина это мало волновало...

Дверь на террасе заскрипела, и на крыльце появился Пушкин, готовый к прогулке. В руках у него хлыст и перчатки.

«Наверное, снова к соседкам в Тригорское», – пронеслось в голове у Ольги. Сердце ее бешено забилося... – Куда же мне? В Сороть, в прорубь?.. И всему бы конец...»

Тем временем молодой барин вскочил в седло и поскакал со двора, махнув Ольге на прощанье рукой.

«Скоро весна!» – подумал Пушкин, ощутив и на себе слепящее солнце. Вокруг она начала свое торжество. Под копытом лошади он вдруг заметил подснежник. Воздух был удивительно свеж, пахнувший тающим снегом, весенним солнцем и чем-то еще, неведомым, но прекрасным. И сразу начали в душе слагаться стихи:

*Только что на проталинках весенних
Показались ранние цветочки,
Как из царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетает первая пчелка...
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне разведать:
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга зазеленеют,
Распустятся клейкие листочки,
Расцветет черемуха душиста?..*

Пушкин осторожно продвигался вперед: снег держал плохо, лошадь проваливалась, и легко можно было слететь. Глазами, которые слепило солнце, он радостно осмотрелся вокруг и тихонько запел гусарскую песню, незабытую еще с лицейских лет:

*Поповна, поповна, поповна моя,
Попомни, как ты целовала меня...*

Тригорское от Михайловского было всего лишь в получасе езды. Пушкин ехал опушкой соснового леса. Вот и граница дедовских владений! Здесь росли три сосны, у которых он любил сидеть и смотреть на красавицу Сороть с ее зелеными лугами и простирающимися за горизонт синими далями. Дальше под снегом дремали древние курганы, а на холме виднелся бедный погост Вороноч. Когда-то он был цветущим и богатым пригородом вольного града Пскова. Теперь здесь ютились лишь несколько полуразваленных избушек и две церквушки...

Распевая песню о попове, Пушкин въехал во двор тригорских соседей. Передав лошадь казачку, Пушкин вбежал в переднюю дома хозяйки имения. Его радостно встретила Прасковья Александровна:

– Смотрите, кто к нам в гости... А я смотрю утром в окно, а на дворе сорока скачет. Мне и подумалось, что какой-то гость будет... А вы вот и приехали... Очень рада... Проходите... Сейчас блины будут...

Вместе они вошли в большой зал, в котором много лет ничего не менялось. Все тот же большой стол, простые стулья, бронзовые канделябры. На стене тикали часы с огромным маятником. На другой стене висела уже состарившаяся картина «Искушение святого Антония», на которой святой был окружен отвратительными бесами...

Соседняя гостиная тоже была скромно обставлена. Здесь на стене висел портрет Екатерины Великой с буклями, нарумяненными щеками и бесстыжими глазами. Царица когда-то подарила это имение деду Прасковьи Александровны. Здесь же под портретом стояло роялино Тишнера. На этом инструменте Алина часто музицировала, развлекая Пушкина...

Весть разнеслась по дому: Пушкин приехал!.. Дом сразу наполнился шумом и девичьим смехом. Сегодня у хозяйки были не только ее дочери и племянницы, но и соседская молодежь. У Пушкина сразу возникло затруднение: в кого влюбиться, или во всех сразу?

– Александр Сергеевич, – раздался голос Зизи, – мы ждем вас в библиотеке... Где вы... Шевелитесь быстрее...

Пушкин, скорчив страшную рожу, влетел в библиотеку. Зизи расхохоталась... В библиотеке была и ее старшая сестра Анна. Всего несколько месяцев назад Пушкин, в день ее именин, подарил ей стихотворение:

Хотя стихишки на именины

*Натальи, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть,
Но я, ваш обожатель верной,
Я, в знак послушности примерной,
Готов и ими вам служить...
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили благодатью...
Нет, нет, по мненью моему,
И ваша речь, и взор унылой,
И ножка, – смею вам сказать, —
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать!..*

Анна берегла этот стих, как самый дорогой подарок, хотя прекрасно понимала, что это только лишь слова, которые ни к чему не обязывают. Пушкин не замечал замороженного взгляда Анны, все внимание его было обращено на очаровательную Зизи.

– Александр Сергеевич, помогите Анне найти книгу, которую она ищет для вас, – прошептала Зизи.

– Помогу... – со строгостью в голосе сказал Пушкин, – но вначале вы должны доложить мне, как дела с «Горе от ума». Вы его переписали?..

– Аня заканчивает...

– Клякс много насажали?

– Нет, всего лишь две... Да и тех не видно, я их аккуратно слизала.

– Ладно, тогда помогу... Что за книгу ищите?..

– Всем все бросать... Никаких книг... – раздался голос хозяйки. – Все в зал, блины стынут...

Снова раздался шум, смех, топот ног... Здесь уже был настоящий цветник женской молодежи, вместе с ними отец Герасим, по кличке Шкода, и молодой барон Вревский, сосед тригорских обитательниц.

Высокой стопкой дымились блины. Прасковья Александровна была хлебосольной хозяйкой, любила угостить. На всю округу славились ее наливки, травники, квасы, соленья, варенья... Пушкин шутил, что ее наливки и травники могут и мертвого на ноги поставить...

Батюшка перед трапезой сотворил молитву, благословил брашна, и все дружно принялись за угощение.

– Александр Сергеевич, и вы, батюшка, не отведаете ли наливки или травника? Кто чего хочет? – с радушием в голосе обратилась Прасковья Александровна к гостям.

– Если можно, хозяйюшка, – смущаясь, поговорил попик, – мне, как всегда.

– Конечно, батюшка!.. Наливайте сами... Не заставляйте себя угощать... Александр Сергеевич, не в службу, а в дружбу, помогите батюшке.

– С превеликим удовольствием, – со смехом ответил Пушкин.

В рюмках заискрился травник, распространяя приятный запах.

– Ну, что ж, – поднялась хозяйка, – с Масленицей, господа и гости мои!

Все выпили... Чем же закусить? Глаза разбегались от изобилия... Может, балычком янтарным, или белорыбницей, розовой семгой, икрой, грибами?... А рядом дымилась гора рубленых яиц, белела сметана...

– Как вы думаете, отче, может, повторить? – улыбаясь, спросил Пушкин.

– От вас за милость приму, Александр Сергеевич, – застенчиво улыбаясь, ответил попик.

Отец Шкода любил молодого барина и часто заходил к нему в гости попить чайку, но и опасался его: иной раз такое богохульство произнесет, что хоть святых выноси...

– Еще травничку или рябиновой испробуем, отец? – спросил Пушкин.

– Благодарствую, но для здоровья лучше травничку, он полезнее...

Обеденные приборы мелькали в руках гостей, раздавался смех и шутки. Ключница Акулина Памфиловна следила за порядком. Хотя блины и таяли прямо на глазах, но дотаять не могли: дворовые девки тут же тащили новую порцию.

– Возьмите горяченьких, – призывала ключница.

Вдруг раздался громкий смех Пушкина:

– Представляю, как мучится святой Антоний, наблюдая наше пиршество!.. – при этом он указал на висящую картину. – Его бесы окружают, а нас блины и травничек. Не знаю, как святой, а мне больше по душе травничек закусывать блинами. Изнемогаю уже, но беру еще... – Захватив сразу два блина, он облил их маслом, густо намазал сметаной и отправил их в рот... Зажмурился и застонал: батюшка, небеса вижу!..

Раздался дружный смех. Даже ключница улыбнулась, хотя она не очень любила михайловского барина из-за его ногтей, за шумное поведение, а из-за стола выйдет, так даже лба не перекрестит. Но шутки его и ее радовали, и она в благодарность часто угощала его моченой антоновкой, которая была ему по вкусу.

Батюшка тоже смотрел на Пушкина со смехом, ожидая чего-нибудь необычного, озорного... Пушкин не заставил себя долго ждать. Попик еще не успел даже налить себе и соседям смородиновки, как Пушкин встал с поднятой рюмкой, начал нараспев:

*Настойка травная,
Настойка тройная,
На зелья составная —
Удивительная!..
Вприсядку при народе
Тряхнул бы в хороводе
Под «Взбранной воеводе —
Победительная...»*

Раздался общий смех. Хозяйка укоризненно посмотрела на Пушкина и погрозила пальчиком.

– Ну, что вы сразу на меня... Я здесь ни при чем... Это стихи Мятлева, и я не виноват, что он в грех вводит отца Георгия...

Отец Георгий от неожиданности поперхнулся, застенчиво улыбаясь, вытирал свою вспотевшую лысину. Гости все смеялись, не придавая особого значения шутке поэта...

– Можно подавать сливки, барыня? – спросила ключница.

– Конечно можно! Неси мороженые сливки, – распорядилась хозяйка.

В те времена сливки выставлялись в деревянном корытце на мороз. Замерзая, они превращались в белую твердую массу. Эту массу скоблили ножом на раскаленный блин, заворачивали его со сливками и блином закусывали. Было очень вкусно.

– Какое блаженство, – поглощая блин со сливками, проговорил Пушкин. – Как вам, отче? – с улыбкой обращался он к попику, уже охмелевшему, в то же время заглядываясь на Зизи...

А Анна Николаевна не сводила своих теплых глаз с поэта. Где-то внутри ее звучала грустная музыка, и она сама себе повторяла: – Нет, он не любит ее...

Пушкин был в своей тарелке, он уже и о Зизи забыл, что-то нашептывая на ушко своей соседке справа, симпатичной, румяной блондинке. «Если мне придется когда-либо ее описы-

вать, скажу, что эта девушка выросла среди яблонь... Она и пахнет антоновкой... – думал поэт. – Но как обхаживает Зизи Борис!.. Губа не дура...»

Ревнивое чувство вдруг взыграло в душе у Пушкина:

– Борис Александрович, отвлекитесь! Ваше здоровье!.. Борис все понял, улыбнулся и поднял рюмку.

Кажется, все объелись блинами. Подошла очередь моченым яблокам, варенью, взвару и квасу. Когда и с этим покончили, начались танцы под музыку Россини и Рамо. Утомившись, Пушкин с Борисом вышли в сад, чтобы пострелять из пистолетов. Пушкин стрелял отменно...

– Что вы здесь за трескотню устроили?!.. – крикнула подошедшая Зизи. – Давайте лучше кататься...

– Божественная Зизи, кататься не получится, – ответил ей Пушкин. – Лошади проваливаются в тающий снег.

– Дети, чай готов!.. Самовар подан...

Уже затемно, после ужина, Пушкин отправился домой. Кругом полыхали костры. Это сельские ребята жгли масленицу. Слышались веселые песни...

Только лишь въехал во двор, как Ольга устроила ему бурную сцену ревности. Арина Родионовна все слышала и жалела девку, но в то же время понимала, что, возможно, худшее впереди...

Весна набирала обороты. Под жаркими лучами снег сбегал с окрестных холмов мутными ручьями на заливные луга Сороти. Запели птицы... Легкой дымкой покрылись леса... Земля казалась раем, но Пушкину было грустно в неволе. Вольная жизнь была вот, рядом, она манила его... Ему казалось, что где-то там, вон за тем горизонтом, его ждет счастье... И все же весну он не любил:

*...я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены...*

Впрочем, и лето его не радовало:

*Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя —
Иной в нас мысли нет...*

И только осень возбуждала в нем чувства прекрасного, так ярко врывающиеся в его поэтическое дарование:

*И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн...*

Неволя раздражала Пушкина. Временами он беспричинно ссорился с тригорскими девицами, то снова мирился, ухаживая за кем-нибудь из них. К удивлению отца Шкоды, Пушкин заказал панихиду по боярину Георгию. То была годовщина смерти Байрона. Мысль о побеге не оставляла его, он даже заказал дорожные чемоданы и просил приятелей найти для него пятнадцать тысяч денег на дорогу. Наконец, он вцепился в свой аневризм. С этой идеей он решил обратиться к царю с письмом через своего приятеля В. А. Жуковского. Ответ пришел неутешительный. Царь посоветовал больному лечиться в Пскове. В отчаянии он написал еще одно письмо, но теперь Жуковскому, в надежде, что его содержание дойдет и до царя:

«Неожиданная милость Его Величества тронула меня несказанно... Я справился о псковских операторах. Мне указали на некоторого Всеволожского, очень искусного по ветеринарной части и известного в ученом мире по своей книге об лечении лошадей. Несмотря на все это, я решился остаться в Михайловском, тем не менее, чувствуя отеческую снисходительность Его Величества. Боюсь, чтобы медленность мою пользоваться монаршей милостью не почли за небрежение или возмутительное упрямство...»

Ему показались все эти попытки нереальными и даже смешными. В письме другу своему Антону Дельвигу он пишет: «...Идет ли история Карамзина? Где он остановился? Не на избрании ли Романовых? Неблагодарные!.. Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту, да двое руку приложили за неумением писать... А я, грамотный потомок их, что я, где я?...»

Жуковский, который очень любил Пушкина, писал ему в ответ, пытаясь успокоить его буйные порывы: «До сих пор ты тратил свою жизнь с недостойною тебя и оскорбительной для нас расточительностью, тратил и физически, и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавной эпиграммой, но должна быть возвышенною поэмою...»

И все же Пушкин продолжал надеяться на побег. Он даже обсуждал его детали с сыном хозяйки Тригорского, Алексеем Вульфом. Нужда заставляла и много трудиться. Пушкин продолжает работать над «Борисом Годуновым», «Онегиным», готовит к изданию книжку своих стихов... Тоску периодически разгоняет, сочиняя письма своим друзьям...

В апреле его посетил еще один лицейский товарищ и друг – барон Антон Дельвиг. Пушкин давно ждал его. И вот, наконец, Дельвиг перед ним. Пушкин радостно обнял друга.

– Ах ты, толстяк, увалень... – притворно ругаясь, – с восхищением говорил он другу. – Как я заждался тебя, уже и надежду почти потерял. Что так задержался?

– Тебе же известно, Француз, – с улыбкой растроганности отвечал Дельвиг, – что мы предполагаем, а бог располагает. Моя поездка в Витебск увенчалась лихорадкой. Провалился с температурой больше двух недель...

– Как же я рад тебя видеть!.. – глядя на друга, восхищался Пушкин. – Но болезнь пошла тебе на пользу, барон: ты стал еще толще.

И Пушкин рассмеялся своим заразительным смехом.

– Мама, – крикнул Пушкин, – встречай гостя!

На крыльце появилась Арина Родионовна, вся кругленькая, аккуратненькая.

– Здравствуйте, – поклонившись, поздоровалась она. – Заходите в дом.

– Мама, это мой друг Дельвиг, поэт, прошу любить его и жаловать.

– Мы всегда гостям рады, – пропуская друзей вперед, сказала няня, улыбаясь.

– Какая прелесть твоя няня, – с восхищением воскликнул Дельвиг, когда они вошли в кабинет поэта. – Именно такой я себе ее и представлял.

– Вот побудешь у меня недельку-две да послушаешь ее сказки, ты в нее влюбишься окончательно.

– Нет, Француз, я надолго не задержусь, надо возвращаться в Петербург. Дел, брат, невпроворот...

На пороге появилась няня.

– Милости просим откусать кофейку с пирожками, – проговорила она своим каким-то по-особому звучащим голосом.

– Пойдем, барон, перекусим. А потом я тебя засыплю вопросами. Ты, наверное, с дороги проголодался.

– С удовольствием откушаю ваши сельские брашна, – согласился Дельвиг, который никогда не страдал отсутствием аппетита. – Да и у меня есть для тебя, дорогой Александр Сергеевич, целый ворох посланий. Но, как водится на Руси, сначала гостя надо накормить, в баньку свести, в постель уложить, а потом уж к делу приступать.

– Нет, барон, – заливаясь своим смехом, ответил Пушкин, – покормить мы тебя покормим, а с банькой и постелью погодим. Мне не терпится прочитать, что пишут мои друзья.

На столе в столовой дымился кофе, а на большом блюде, как всегда под полотенцем, ароматный запах издавали нянины пирожки.

– Угощайтесь, – пригласила она друзей к столу с поклоном.

Плотно перекусив, друзья вернулись в кабинет Пушкина.

– Дорогой барон, показывай, что ты мне привез, я горю от нетерпения.

– В этом чемодане книги, которые передали тебе твой брат и Жуковский, а в этом портфеле письма от Вяземского, Погодина, Рылеева...

– Дорогой Дельвиг, как я тебе благодарен... Почитаем вместе?

– Нет, Александр, позволь мне с дороги прилечь после такого сытного завтрака, – умоляющим тоном попросил Дельвиг.

– Узнаю ленивца... Мама, – громко позвал Пушкин няню, – прикажи постелить гостю.

– Прошу вас, гость дорогой, в приготовленную для вас комнату, – пригласила барона Арина Родионовна.

– Отдыхай, барон, а я погружусь в твои подарки.

Пушкин вскрывал один за другим конверты, жадно вчитывался в каждое слово друзей, которые искренне переживали за него, за его здоровье, за его талант. В письмах были литературные новости, слухи и сплетни Москвы и Петербурга, сообщения о выходе в свет его поэм и стихов, отзывы критики на его произведения... А в некоторых были даже деньги, недостаток которых поэт чувствовал постоянно...

Ближе к вечеру Дельвиг проснулся и появился в кабинете Пушкина.

– Как отдыхалось, барон? – спросил Александр Сергеевич.

– Спал, как никогда! У тебя здесь волшебный воздух, пьянящий и успокаивающий.

– Да, брат, воздух у нас чудесный, и природа волшебная... Но скука, барон, удушающая. Я задыхаюсь здесь... За мной ежедневно следят, как за каким-нибудь ужасным государственным преступником.

– И все же последние творенья твои восхитительны. Вся Россия зачитывается ими. Я понимаю и сочувствую тебе. Друзья хлопчут о твоём освобождении... Не будем о грустном... Я еще в дороге мечтал услышать твои новые стихи и поэмы. Будь так любезен, погрей душу своим талантом.

– Ну, что с тобой поделаешь? Я тебе, как лучшему другу и поэту, прочту только что написанную трагедию из Смутного времени «Борис Годунов».

Пушкин взял рукопись и стал читать. У Дельвига, по мере чтения, глаза становились все шире от восторга, и даже появились слезы. Когда Пушкин закончил читать, неповоротливый Дельвиг вскочил на ноги, обнял Пушкина и стал его целовать.

– Что за чудо, что за прелесть ты сочинил, друг мой!!! Я в восторге! Предрекаю ей бешеный успех...

Долго еще они говорили, спорили, кричали... Несколько раз даже няня заглядывала к ним, обеспокоенная шумом.

Заглянув в очередной раз, она позвала их пообедать:

– Хватит вам балагурить, пора обедать, уже почти полночь. Да и спать пора ложиться.

– Идем, мама, – отозвался Пушкин. – А завтра, барон, съездим в Тригорское, познакомлю тебя со своими соседками. Может статься, что мы тебя здесь и оженим.

На следующий день они гостили в Тригорском. Женское общество с любопытством рассматривало гостя из Петербурга. Медлительный и застенчивый Дельвиг не впечатлял барышень, но когда его упросили прочитать свои стихи, глаза их загорелись.

Пообедав, Дельвиг шепнул на ухо Пушкину, что ему барышни надоели и он хотел бы уехать обратно...

Больше Дельвиг в Тригорском не появлялся. Ему пришлось по сердцу Михайловское, барская усадьба, парк, прекрасная природа, речка Сороть с ее живописными берегами. Он здесь дышал и не мог насытиться чистым воздухом, отдыхал душой и телом. Няня ухаживала за ним, как за маленьким. Иногда вечерами она рассказывала им обоим свои волшебные сказки...

Только через две недели Дельвиг решил возвращаться. – Милый Александр Сергеевич, я провел здесь самое счастливое время. Но хочешь, не хочешь, друг мой, а надо ехать. Дела... Да, наверное, и невеста заждалась. Я ведь женюсь осенью.

– Что ж ты молчал все это время? Кто она?

– Прелестная девушка с прекрасной душой – Сонечка Салтыкова...

– Ах ты, тихоня!.. Кланяйся ей от меня. Я ее уже наперед люблю, как и тебя... Дорогой барон, друг мой бесценный, я всегда буду помнить наши встречи здесь. Я благодарен тебе за все. Мне очень жаль с тобой расставаться, но для Михайловского и одного узника много. Давай присядем на дорожку, выпьем по рюмке рябиновой. – У Пушкина на глазах показались слезы. – Я провожу тебя до первой станции...

Дельвиг уехал, увезя с собой вторую главу «Евгения Онегина», письма к Жуковскому, Вяземскому, брату Льву и царю Александру с просьбой разрешить выехать за рубеж на лечение...

Летом ему не писалось. Мучила жара, мухи... Сидению за столом он предпочитал дальние прогулки...

В самом конце мая в Святогорском монастыре обычно проводили ярмарку. В этот день сюда съезжались со всей Псковской губернии. Кто-то – чтобы на людей посмотреть, другие – чтобы себя показать, третьи – чтобы помолиться перед почитаемой иконой Одигитрии Божьей Матери, четвертые – чтобы что-то продать или купить...

Пушкин любил посещать ярмарку, побывать с народом, пообщаться... Вот и на этот раз надел простую рубаху, подпоясался ремешком, на голову надел шляпу, взял свою толстую палку и пошел на богомолье...

До монастыря рукой подать, всего чуть более трех верст.

Ярмарка была в разгаре. Вокруг ограды и внутри ее было полно народа. Празднично звонили колокола...

Всех забавлял цыган своим медведем.

– Миша, покажи народу, – горланил цыган, – как девицы красоту наводят!..

Поднявшись на задние лапы, медведь передними лапами старательно тер свою морду. Народ, довольный, хохотал...

– Мое уважение Александру Сергеевичу, – вдруг раздался рядом голос.

Пушкин повернул голову и увидел торговца из Опочки, Ивана Лаптева, с которым познакомились ранее тоже на ярмарке.

– Рад вас видеть, Иван Иванович! Торгуешь?..

– Нет, какая нонче торговля!.. Одни убытки... Дорожатся мужики... А вы как изволите поживать?..

– Как говорится, помаленьку, – ответил Пушкин, жуя апельсин. – Будешь апельсин?

– Благодарю покорно, – беря апельсин, ответил Иван Иванович, – Я люблю их с чаем... Как долго еще в наших краях гостить думаете?..

Хитрый мужик прекрасно знал, почему Пушкин «гостит» в Михайловском. Поэтому Пушкин промолчал...

А Иван Иванович гордо поглядывал на толпу – пусть смотрят, как он с самим Пушкиным общается.

Пушкин пошел в самую гущу толпы... Кое-кто, особенно помещики-соседи, смотрели на него не очень приветливо, считая его гордецом, поскольку не навещал никого из них, некоторые боялись его острого слова и задорного характера.

Возле главных ворот монастыря, в пыли, на палящем солнце, сидели старцы, гнусавя что-то свое скрипучими голосами. В небольшую деревянную чашку крестьяне бросали жалкие свои гроши.

Пушкин подошел, остановился, послушал и сел рядом с нищими, прислушиваясь к их грустному пению. Все с удивлением стали смотреть на поэта. А Пушкин, сложив ноги калачиком, продолжал слушать, надеясь что-то почерпнуть для своего «Бориса Годунова».

В толпе начали раздаваться голоса:

– А кто это такой?.. Смотри, Аксинья, какие у него когти!.. Наверное, не нашей православной веры...

– Да наш это... барин михайловский...

Вскоре толкотня, жара, вонь, гам утомили Пушкина. «Не заглянуть ли мне к отцу Ионе, испить у него чайку, передохнуть?..» – подумал Пушкин. А потом вспомнил, что сейчас у отца Ионы полно посетителей, и не пошел.

Пушкин решил идти домой... Направлялся лениво к спуску в Михайловское. Он почувствовал наступившее какое-то бессилие, мир побледнел... Но вдруг, словно сбросив с плеч тяжесть, он остановился, бросил высоко свою палку, поймал ее и начал вслух читать:

*Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрела...
Димитрий я... Довольно!.. Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться!..*

Пушкин был доволен. В приподнятом настроении, насвистывая какую-то мелодию, он быстро зашагал к своему дому. Неожиданно из-за кустов через тропу выскочил крупный заяц. Пушкин даже вздрогнул... «Черти бы тебя взяли», – выругался Пушкин, – суеверно перекрестившись. – И откуда ты только взялся...»

Он уже почти подходил к своему дому, мечтая о холодном квасе, как вдруг увидел всадника, который скакал по дороге от Вороноча к Михайловскому. В нем поэт узнал Алексея Вульфа и помахал ему рукой. Алеша тоже его узнал, прищипорил коня и вскоре оказался рядом с соседом. Он соскочил с коня, а подойдя к дому, передал его конюху. Не мешкая, они укрылись в прохладном доме.

– А я, друже, все прилаживаюсь, как бы дать стрекача... – сказал Пушкин. – Я не могу отказать себе в удовольствии надуть царя и всех агентов его...

– Для этого я и приехал... – сразу принял озабоченный вид Алеша. – Мне пришла по этому поводу прямо гениальная мысль...

– Да не может быть!.. – захохотал Пушкин.

– Факт. Я поеду за границу и возьму с собой кого-нибудь из слуг. От границы я отошлю его обратно домой, а вы с его паспортом переедете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.